

СИЛА
А МЫСЛИ

ФРИДРИХ

ВЕЛИКИЙ

АНТИ-МАКИАВЕЛЛИ

ЗАПИСКИ О РОССИИ

Сила мысли

Фридрих Великий
**Анти-Макиавелли.
Записки о России**

«Алисторус»

1740

УДК 355
ББК 68

Великий Ф.

Анти-Макиавелли. Записки о России / Ф. Великий —
«Алисторус», 1740 — (Сила мысли)

ISBN 978-5-00180-974-6

Фридрих Великий (1712 - 1786), король Пруссии, был всесторонне одаренной личностью - государственным деятелем, полководцем, философом, архитектором, писателем. «Хорошо работающее правительство должно представлять столь же прочно связанную систему; как система понятий в философии. Все его решения следует хорошо обосновывать; хозяйственная, внешняя и военная политика должны способствовать единой цели - консолидации власти государства и увеличению его мощи», - писал Фридрих. Он был категорически не согласен с принципами, провозглашенными Н. Макиавелли в его знаменитом трактате «Государь». Хитрость, коварство, лживость, вероломство, жестокость, которые, по мнению Макиавелли, обязательны для успешного правления, Фридрих считал низкими качествами, лишь вредящими государю. В своей книге «Анти-Макиавелли» он пишет, каким должен быть правитель, чтобы заслужить подлинное уважение своих подданных и не быть презираемым ими. В данном издании приводятся также, впервые с современным правописанием, «Записки о России» Фридриха, где он оценивает русскую внешнюю и внутреннюю политику первой половины XVIII века. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355
ББК 68

ISBN 978-5-00180-974-6

© Великий Ф., 1740

© Алисторус, 1740

Содержание

Вместо предисловия	7
Фридрих Великий	13
Предисловие	13
Глава I	16
Глава II	17
Глава III	18
Глава IV	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фридрих Великий Анти-Макиавелли Записки о России

© ООО «Издательство Родина», 2023

Вместо предисловия

Из бесед Генриха де Катта с Фридрихом Великим

Генрих де Катт двадцать четыре года состоял при особе короля Фридриха.

Катт был швейцарец. Знакомство его с королем произошло так: он отправился в Утрехт оканчивать курс под руководством тогда знаменитого профессора Весселинга. Однажды, возвращаясь с какой-то экскурсии, он сел на корабль. Каюта в нем была занята каким-то господином, выдававшим себя за первого музыканта польского короля. Незнакомый заметил Катта:

– Как вас зовут, – послушайте? – крикнул он Катту. – Войдите сюда. Здесь вам будет удобнее.

Катт послушался, и незнакомый вступил с ним в беседу о политике, о философии, о религии. Так доехали они до Утрехта, где незнакомый распрощался с швейцарцем.

– Прощайте, – сказал он, – надеюсь увидиться с вами. В городе я наведу о вас справки. Впрочем, если вам не противно отужинать со мной в гостиннице, вы очень бы одолжили меня, проведя со мной еще некоторое время. Я вас долго не задержу, так как я намерен уехать ночью.

Катт отказался от приглашения. На следующий день он узнал, что этот мнимый первый музыкант польского короля, «столь просвещенный, столь решительный, столь живой и упрямый», был не кто иной, как прусский король, который, прикрываясь любимым им инкогнито, путешествовал по Голландии.

Шесть недель спустя, он получил письмо из Потсдама. Катт понравился Фридриху, и Фридрих предлагал ему служить при нем. Катт, по болезни, не мог отправиться. Но, среди трудов и тревог войны, король не забыл о молодом человеке, встреченном в Голландии. Он повторил свое предложение, и спустя два года Катт приехал в Бреславль.

Весной 1758 года, Катт был назначен «лектором» и личным секретарем короля, и с тех пор состоял при нем безотлучно в самые тяжкие годы Семилетней войны. Почти каждый день, около 5 часов по полудни, он находился у короля; даже перед крупными военными решениями не прерывались эти литературные занятия. Пробыв до 10 часов вечера при короле, Катт затем до полночи записывал свои беседы. С помощью таких записей Катт спустя несколько лет и составил свои мемуары.

С первого же дня свидания Катт был посвящен в интимную жизнь короля. Последний, зная, как придворные и приближенные его будут стараться сблизиться с «чтецом», снабдил его советами на счет скромности и скрытности, а также обрисовал всех, с кем ему приходилось вступать в близкие сношения.

О собственном образе жизни король сказал: «Во время кампании, я встаю в 3 часа утра, иногда и раньше. Признаюсь, мне тяжело вставать так рано, я бы охотно полежал еще на постели – до того я утомляюсь; но дела не терпят. Моему камердинеру приказано будить меня и не давать засыпать. Вставши, я сам прибираю свои волосы, одеваюсь, выпиваю чашку кофе, и прочитываю депеши.

Прочитав их, я играю на флейте час, иногда и больше, обдумывая свои письма и ответы, какие следует написать; являются затем мои секретари. Я говорю им, что надо написать. Сделав это, я занимаюсь чтением моих любимых книг, редко новых, до парада. Еще некоторое время я читаю до обеда, назначенного ровно в полдень.

Со мной обедают несколько генералов и в настоящее время прелат здешнего монастыря (Грюссау). Этот господин забавляет меня своей глупостью. Весь обед я потешаюсь над ним. После обеда я играю на флейте для пищеварения, подписываю свои письма и опять читаю до 4 часов».

В это время Катт должен был являться к королю и беседовать с ним до шести часов, когда «начинался его концерт, длившийся до 7½ часов. После концерта я (король) безжалостно мараю бумагу прозой и стихами до 9 часов, когда отправляюсь в объятия Морфея».

В мирное время этот образ жизни короля менялся. «В 7 часов я встаю; пока одеваюсь, прочитываю письма, – рассказывал Фридрих, – это длится до 9 часов. Потом я или верхом, или пешком гуляю до 11 часов. Этой прогулкой я пользуюсь, чтобы обдумывать свои мысли, не желая следовать первым впечатлениям. С 11 до 12 часов я диктую. Потом выслушиваю доклады и дважды в неделю отчет по финансовым делам. В час обедаю. Это продолжается до двух с половиною часов. Потом гуляю, причем, весьма нередко занимаюсь государственными делами. В 5 часов я читаю, в 7 – занимаюсь музыкою, в 9 ужинаю с приятелями, и тут мы проводим время весело».

* * *

По свидетельству Катта, Фридрих нисколько не обольщался величием своей воли, философски углублялся в себя при всяком случае, крупном и незначительном. Следующий случай рассказывает Катт, со слов короля:

«Я составил себе небольшой словарь вопросов, какие я мог бы сделать при случае в Богемии. Гордый своим знанием и своим словарем, я смело подзываю первого встречного крестьянина и смело задаю ему вопрос о местной почве. Крестьянин слушает меня и, будучи более философом, нежели я, отвечает мне с видом боязни и скромности. Тогда я, простофиля, вытаращиваю глаза, и замечаю, что недостаточно было задать вопрос, что надо еще уразуметь ответ, а чтоб уразуметь это, надо знать хорошо язык. Согласитесь, что такое простофильство непростительно взрослому школьнику, а мы нередко кичимся своим большим умом. Это маленькое приключение и еще несколько других убедили меня, что приниженность – добродетель, а самонадеянность – глупая вещь».

Приведенные факты переданы так безыскусственно, что подозрение в каких-либо прикрасах, обыкновенно разбавляющих документальность мемуаров, здесь не может иметь места. Не обо всех случаях, рассказываемых Каттом, это, однако, следует сказать. Любопытен в особенности следующий пример неточности.

Катт рассказывает, как накануне Цорндорфской битвы, когда решено было сражение на следующий день, король позвал «чтеца» в 9 часов. «Чтец» застал короля в небольшом помещении мельницы за исправлением стихов оды Руссо. Когда Катт выразил удивление королю в том, что он накануне столь важного события находит досуг сочинять стихи, король возразил: «Что же особенного теперь может случиться? Почему я не могу сегодня развлекаться как всегда? Целый день я измучился за делом, взвесил его со всех сторон. Решение мое остается неизменным. План составлен. Полагаю, что мне, как и другим, позволительно кропать рифмы».

Беседа затем была прервана явившимися генералами для обсуждения диспозиций к предстоящему наступлению. Через полчаса король опять возобновил свою беседу с Каттом с того пункта, на котором был прерван. «По-прежнему король исправлял стихи Руссо по «Аталии» Расина».

Сцена эта, без сомнения, эффектна и вызывает в читателе удивление, но в действительности она происходила не накануне Цорндорфской битвы и вообще переключивание стихов Руссо и Расина имело место не в один и тот же день. Такая произвольная перетасовка фактов, однако, не лишает мемуаров их высокого интереса.

* * *

Фридрих читал Бэкона, Цезаря, Тацита, Плутарха, но в особенности любимым писателем его был Расин. «Однажды, – рассказывает Катт, – он возвысил голос и стал наизусть декламировать отрывки из Расина – их он знал немало. Новый камердинер, знавший хорошо пофранцузски, полагая, что его зовут, несколько раз прерывал короля, который, не изменив декламаторского тона, посылает его ко всем чертям.

«Да-с, сударь, – сказал камердинер Катту, когда тот вышел от короля. – Я очень испугался, я так думал, что государь рехнулся. Если так продлится, немудрено, что он кончит плохо. Ведь как он прохаживался, как кричал»».

За исключением Расина, все, что читал король, из чего делал извлечения, по прошествии нескольких лет, казалось ему необычайно скучным. «Что касается сочинений по философии и метафизике, то чем более я их перечитываю, тем более я замечаю противоречий и неясностей. Эти господа метафизики в своих сочинениях подобны китайцам, когда те едят вместе. После некоторого молчания, один из обедающих произносит: *оп, hi*. Другой вдали отвечает: *âh, ô*. «Что это значит?» – спрашивают их. «О, мы понимаем друг друга, и только немногие могут это понимать». Так-то и в метафизике есть *оп, hi, âh, ô*, столь же непонятные, как *âh, ô, оп, hi* китайцев».

Характерен отзыв Фридриха Великого о Вольтере, высказанный по поводу прочитанной им истории «Карла XII». «Вольтер возвышает Карла XII до небес и низвергает Петра I в глубь пропасти. Он не прав в таком суждении. Будьте уверены, что если бы русский двор дал этому мошеннику несколько тысяч рублей, чтобы возвысить Петра над его соперником, он бы написал, что Петр – генерал, а Карл XII – дерзкий капрал. И затем Вольтеру ли оценивать военные таланты, ему ли, который не имеет ни малейшего понятия о нашей профессии. Он умеет только насмехаться. Изучив точно все операции Карла XII, обдумав их зрело, я считаю его более деятельным, нежели рассудительным, более энергичным, чем ловким, смелым, блестящим. Его первые три компании удивительны. Он нападает на Копенгаген, освобождает Гольштейн, сражается с 80 тысячей русских близ Нарвы, нападает на саксонцев. Вот это удивительно. Но с этого момента в его операциях нет последовательности...».

В часы грусти король зачастую находил утешение в «*De rerum natura*» Лукреция, в сочинениях Марка Аврелия или Сенеки. В такие часы он заводил речь о самоубийстве, для чего на всякий случай имел всегда при себе коробочку с английскими пилюлями; он тяготился своим жребием. «Я уверен, – сказал он однажды Катту, – что никто бы не пожелал быть прусским королем, которого так мучают». Катт позволил себе усомниться в этом, так как многие из-за славы готовы и на пущие горести. «Нечего сказать, слава! – воскликнул король. – Слава – сожженные селения, города, превращенные в пепел, тысячи людей несчастных, столько злодеяний, ужасов со всех сторон; волосы становятся дыбом от такой славы».

В другом месте мемуаров Катта читаем слова Фридриха: «Великих людей считают обыкновенно счастливейшими из смертных. А на самом деле их надо бы зачастую жалеть. Вообще их плохо слушают, или дурно исполняют то, что они приказывают, или негодуют на них, если они требуют чего нибудь трудного. Куча невежд критикуют каждый их шаг, их распоряжения, даже самые умные, с любопытством узнают о частном их поведении, приписывают им взгляды, каких не имеют они, и неистово восстают на них за малейшее предпочтение, какое выказывают они к тем, кто этого заслуживает. Такова судьба королей, и вот что противно бывает тем, кто, подобно мне, не умеет возвышаться над этими неприятностями».

* * *

Этим мрачным настроением Фридрих Великий в значительной степени был обязан своему детству. Отец его, по собственному признанию короля, «страшный человек. Разговаривать с ним нельзя было. Удары палкой и ногой сзади сыпались на тех, кто имел несчастье показаться на глаза ему, в минуты дурного расположения духа». Сам Фридрих был не раз жертвой этого гнева. «Ребенком учась латыни, я склонял с учителем *mensa, ae; dominus, i; arbor, is*, как вдруг отец вошел в комнату. «Что вы тут делаете?». – Я склоняю *mensa, ae*, папа, – сказал я детским тоном, который должен бы его тронуть. «А! прохвост, моего сына учить латыни! скройся с глаз моих». И он ударил учителя палкой и ногой сзади, выпроваживая его таким манером до следующей комнаты.

Испуганный этими ударами и яростным видом отца, трепеща от страха, я забрался под стол, полагая, что там буду в безопасности. И вдруг вижу, что отец мой, совершив свою экзекуцию, подходит ко мне. Я дрожу еще пуще. Он берет меня за волосы, вытаскивает из-под стола, тащит на середину комнаты и отвешивает мне несколько пощечин: «Теперь ступай с своим *mensa*, я тебя проучу».

Он всегда и впоследствии с неудовольствием смотрел, причин чего я никогда не мог понять, на то, что я занимался развитием своего ума и способностей. Книги, флейта и тетради, когда они попадались ему под руку, бросались в камин. И всегда несколько ударов или весьма внушительных распеканий следовали за сожжением моих книг. Единственным чтением, им терпимым, было Евангелие. Можно было подумать, что из меня хотели сделать богослова, ибо беспрерывно он заставлял меня читать библию и книги, имевшие к ней отношение».

Строгости отца Фридриха к нему, его сестрам и братьям, дурное обращение, часто доходившее до крайностей, постоянное стеснение свободы и преследования за самые невинные желания, вечный страх, – все это вместе побудило Фридриха уйдти из отцовского дома. «Я занял несколько сот дукатов, ибо, при расчетливости отца, у меня зачастую в кармане не было ни гроша; я сообщил свой план Кейту и Катте. Мы условились на счет дня бегства, и когда уже мы были совсем готовы пуститься в путь, отец мой все узнал из анонимного письма, меня арестовали, избили, надавали пощечин. Не явись на выручку мне моя добрая и чудная мать с сестрой (маркграфиней Байрейтской), которой досталось порядком, я думаю, что я так бы и не поднялся от полученных ударов. Меня отправили в Кюстрин».

Кейт спасся. Катте посадили в крепость. В Кюстрине Фридриху подавали арестантской пищи как раз на столько, чтоб не умереть с голоду, потом стали присылать одно из обеденных блюд королевского стола. Казалось, все приходило к концу, как вдруг в одно утро входит в камеру Фридриха офицер с несколькими гренадерами. Все были в слезах.

– Ах мой принц, мой милый, мой бедный принц, – сказал офицер тогда.

Фридрих думал, что ему решено снять голову.

– Да говорите же, я должен умереть? Я готов на все, что бы ни задумали варвары. Только бы поскорее.

– Нет, мой дорогой принц, нет, вы не умрете, но позвольте, чтоб эти гренадеры подвели вас к окну и продержали вас там.

И действительно, гренадеры подвели Фридриха к окну, держали его голову, чтоб он мог видеть, что происходило за окном, а там вешали Катте. «Ах, Катте! – кричал Фридрих, – я умираю». Этим Фридрих обманул тех, которые заставляли его силой смотреть на это жестокое и варварское зрелище.

В военном совете обсуждался вопрос о том, следует ли казнить самого Фридриха. Несколько генералов, разделявшие строгости отца его, подали голоса за казнь. «Я, – говорит

Фридрих, – знал их и, вступив на престол, обращался с этими подлыми льстецами, как будто мне и не были известны их подлости. Никогда они не были предметом моей мести».

* * *

Другой случай был следующий. Он взял в свой полк солдата, дезертировавшего из под команды Сидова. Последний, узнав это, потребовал обратно солдата. Фридрих написал ему письмо, прося оставить ему этого человека, за которого он отдавал ему двоих. Вместо ответа Сидов сказал отцу Фридриха. Тот велел немедленно возвратить этого солдата. Фридрих отправил его Сидову, умоляя командира не наказывать беглеца. Но Сидов тридцать раз провел его под розгами, известив Фридриха об этом. И когда Фридрих вступил на престол, Сидов не был смещен.

Выпущенный из Кюстрина, Фридрих узнал, что мать его однажды уговорила братьев и сестер арестованного пасть к ногам короля, чтоб вымолить ему прощение. Принцесса Байрейтская, как самая старшая, бросилась к ногам отца, и получила несколько пощечин. Остальные просители уstraшились и бросились под стол. Отец с палкой в руке приготовился бить этих малюток, но тут подошла графиня Камеке, гувернантка, и стала просить прощения за детей. «Убирайтесь вы», – сказал, король. Та не спустила, завязался спор. Графиня рассерженная сказала королю: «Чорт вас возьмет, если вы не оставите в покое моих бедных деток», – и с решительностью вытащила их из-под стола, провела в другую комнату. На другой день король увидел графиню и благодарил ее за то, что она помешала ему сделать глупость. «Я всегда буду вашим другом», – сказал он, и сдержал слово.

Без сомнения, подобные сцены оставляли глубокий след в душе Фридриха, как и все воспитание должно было отразиться на развитии личности короля. Отсюда нетрудно объяснить и скрытность Фридриха II, любовь к насмешкам, страсть его унижать людей, его неверие, и некоторый, так сказать, дурной тон в его обстановке.

С первых же бесед с Каттом король не пожалел красок, чтоб выставить в смешном виде своих литературных приятелей. Вот, например, как изобразил он Ла-Метри: «Он веселый, любезный, ветренный. У него есть ум, некоторые познания и извращенное воображение. Он был так легковверен, что допускал все, в чем только хотели уверить его, и такой взбалмошный, что писал ужасы на людей, которых совсем не знал. Если те, на кого нападал он, сетовали, он извинялся перед ними и обещал исправить свою ошибку. Затем он вознаграждал их похвалами, каких они заслуживали столько же, сколько и ужасов. Он был очень бескорыстен и считал себя счастливейшим человеком при безденежье. Тогда он раздевался и голый расхаживал по комнате, бил себя по ляжкам, приговаривая: «У меня нет денег, bravo; у меня нет денег».

К числу недостатков Фридриха относилась и его нечистоплотность. На этот счет сам король говорил следующее: «На что мне такие длинные манжеты? Мне не нужно ни длинных, ни красивых, ибо у меня дурная привычка обтирать перо о манжеты. Если бы они были красивы, мне неудобно было бы обтирать перо. Я поступаю нехорошо, но об этом мало забочусь. Посмотрите на мои сапоги, они не очень изящны и не из лучшей кожи; но они удобны и этого достаточно; посмотрите на платье. Я немножко порвал его и мне зачинили его отлично белыми нитками. Шапка моя под пару платью. Все кажется поношенным и старинным. И все в сто раз лучше для меня, нежели новое. Я живу ни для чванства, ни для франтовства, ни для пустого тщеславия. Каков ни на есть я, пусть знают таким. Одно бы следовало устранить. Мое лицо вечно запачкано испанским табаком. Это, действительно, дурная привычка. И согласитесь, что у меня несколько свинский вид...».

– Признаюсь, государь, – заметил Катт, – ваше лицо и мундир порядком засыпаны табаком.

– Это-то я и называю несколько свинским видом. Пока была жива моя добрая мать, я был чище, или, говоря точнее, менее нечистоплотен. Эта нежная мать каждый год заказывала мне дюжину рубашек с красивыми манжетами, и присылала их мне. Со смертью ее некому заботиться обо мне.

* * *

Принуждением с детства быть религиозным надо объяснять отчасти и безверие короля. Он решительно отрицал бессмертие души. Катту приходилось слышать не раз насмешливые замечания по этому поводу. «Как это вы верите, друг мой? Неужели вы не видите, что душа – только видоизменение тела, что нелепо, следовательно, утверждать, будто она может существовать, когда наше тело разрушится? Оба так внутренне зависят одно от другого, что одно без другого существовать не может. И скажите мне чистосердечно, можете ли вы каким нибудь образом составить себе понятие о бестелесном существе, можете ли вы его представить себе, как я представляю себе свое *Sansçouci* (Сан-Суси – поместье Фридриха – *Ped*)? Если это бывает, дайте мне, пожалуйста, представление об этом нематериальном существе».

Катт заметил однажды во время беседы о религиозных вопросах, что христианство есть благодеяние для общества, что «око за око» есть недостаток в религии. Фридрих отрицал все это. Христианство, по его, было «une fable lourdement ourdie (сильно искаженная басня (фр) – *Ped*)».

Следует заметить, что для Фридриха не имел никакой цены гений без добродетели, без характера. «Знание даже самое обширное без этих свойств подобно меди звенящей и кимвалу бряцающему. Мир не создал лучшего гения, нежели Вольтер, но я презираю его глубоко, потому что он лишен чести. Если бы он обладал ею, на сколько бы он превосходил все, что существует! Кажется, что природа, отказывая этим гениям в добродетели, которая их бы украшала, желала утешить этим лишением тех, у кого нет талантов или у кого они поврежденные. Так Ньютон, комментируя Апокалипсис, утешает людей, которые ниже его гением».

По мнению Фридриха, никогда не было человека непоследовательнее Вольтера, когда приходилось считаться с мыслью о смерти. «Трудно себе представить что-нибудь комичнее Вольтера при этой мысли. Он становился игрушкой панического ужаса, воображал себе тогда тысячи дьяволов, которые готовы схватить его. Вот увидите, когда ему придется умирать, он назовет всяких проповедников, всяких попов». При этом Фридрих говорил и о себе: «Я остаюсь и останусь твердым в своих принципах, я не боюсь смерти, мне страшна боль: *La douleur est un siècle et la mort un moment* (Боль – это век, а смерть – мгновение (фр) – *Ped*).

Я страшусь только, когда, углубляясь в себя, вижу, что изменял законам той вечной морали, которой мы должны следовать для нее самой, я страшусь тогда, что я был неправ и к себе, и к другим, и стараюсь исправить зло, мною сделанное. Для этого я не нуждаюсь в ваших религиозных принципах. Если бы я ими обладал, я бы оставил свою корону и жил отшельником. *La crainte fit les Dieux, la force fit les rois* (Страх создал богов, сила сделала королей (фр) – *Ped*), – будьте в этом уверены».

Фридрих Великий **Анти-Макиавелли, или Критическое** **рассуждение о «Государе» Макиавелли**

Предисловие

Сочинение Макиавелли, касающееся науки об образе государственного правления, по отношению к нравоучению обладает тем же самым свойством, что и сочинение Спинозы, связанное с рассуждением об исповедании веры. Спиноза учением своим разрушив основание веры, желал упразднить и само исповедание. В отличие от него Макиавелли, приведя в негодность науку управления, создал такое учение, которое здравый нрав превратило в ничто. Заблуждения первого были только заблуждениями его разума, но заблуждения последнего связаны также и с практикой исполнения тех оснований, которые приводились в его книге. Между тем, богословы, приняв вызов Спинозы, и, направив на него оружие своей учености, опровергли его самым основательнейшим образом, оградив тем самым учение о Божестве от его нападков. Макиавелли же, напротив, не взирая на то, что он проповедовал вредное нравоучение, хотя и был частично опровергнут некоторыми, однако даже до наших времен считался знатоком науки управления.

Поэтому я предпринял попытку защитить человечество от врага, который само это человечество стремится упразднить. Противопоставляя рассудок и здравомыслие обману и порокам, я вознамерился своими рассуждениями опровергнуть так сочинение Макиавелли – от первой главы до последней, чтобы это противоядие непосредственно следовало за заразой данного учения.

Я всегда считал Макиавеллиеву книгу об образе государственного правления одной из самых опаснейших среди всех вышедших до настоящего времени сочинений. Эта книга, без сомнения, должна дойти до рук любящих науку управления. Однако никто не способен так быстро посредством поощряющих слабости правил, приведенных в ней, быть развращен, как молодой честолюбивый человек, дух и разум которого еще не изошрены в том, чтоб правильно различить добро и зло.

И разве не почитается уже за зло то, что развращает невинность частного лица, несведущего в делах сего света? Но уж гораздо вредоноснее будет развращение государей, которые управляют народами, производят суд, являют пример своим подданным, и которые через свое благоворение, великодушие и милосердие должны быть живым подобием божества.

Наводнение, опустошающее земли, молнии, обращающие города в пепел и моровое поветрие, истребляющее народ целыми областями, не могут быть столь вредоносны, как опасное учение и необузданные страсти государей. Гроза небесная продолжаясь лишь малое время, опустошает только некоторые области. Убыток от них хотя бывает и чувствителен, однако его все же можно возместить. Но что касается пороков государей, то вред от них своему народу гораздо длительнее.

Когда государи имеют возможность делать добро, если они этого пожелают, то равным образом имеют они также власть и силу, по определению своему, делать зло, и тогда сожаления достойно то состояние подданных, в котором они находятся по причине злоупотребления высочайшей властью: если бывают подвержены опасностям их собственность от ненасытности государя, их вольность от его своенравия, их спокойствие от его честолюбия, их безопасность от его недоверчивости и их жизнь от его бесчеловечия. Печальна участь того государства, в котором правитель захотел бы царствовать по предписаниям Макиавелли.

Впрочем я не ранее того завершу свое вступление, как упомяну о тех, кто думают, будто Макиавелли скорее описывал то, что действительно делают сами государи, чем советовал, что им надлежит делать. Эта мысль многим понравилась потому, что позволила смотреть на сочинение Макиавелли как на сатиру.

Все те, кто против государей произнесли это изречение, без сомнения имели в виду злых князей, живших в одно время с Макиавелли, деяниями которых он руководствовался, или всех, кого обольстила жизнь некоторых тиранов, этого позорного пятна человечества. Я прошу этих судей, дыбы они приняли во внимание то, что соблазн престолом бывает слишком силен, чтобы против него устояла добродетель, присущая человеческой природе, и, поэтому, не стоит удивляться, если среди столь великого числа добрых государей можно найти несколько злых. Так, из числа римских императоров, исключив Нерона, Калигулу и Тиберия, каждый вспоминает с удовольствием Тита, Траяна и Антония, приобретших добродетелью священное имя.

Таким образом, считаться должно за великую несправедливость, если бы бремя, которое принадлежит только некоторым из них, возложено было на всех государей, и поэтому следовало бы в жизнеописаниях сохранять имена только замечательных властителей. И, напротив, имена других вместе с их небрежением, несправедностью и пороками, предавать вечному забвению. Правда, от этого уменьшилось бы число исторических книг, однако возвысилось бы человечество, и честь быть включенным в историю, и сохранить имя свое для будущих времен, или лучше сказать, предать себя вечному воспоминанию, стало бы воздаянием за добродетель. Тогда макиавеллиево сочинение не заражало бы уже больше политических кабинетов. Тогда бы каждый гнушался противоречий, в которые Макиавелли впадает беспрестанно, и свет согласился бы предпочесть истинную, основанную на правосудии, остроумии и милосердии, науку государственного управления несправедливому и гнусному учению, которое Макиавелли дерзнул предложить человечеству.

Фридрих Великий в бытность крон-принцем.

Художник Антуан Пэн.

Фридрих Великий (1712–1786) родился в Берлине. Его отец – король Пруссии Фридрих Вильгельм I из династии Гогенцоллернов, мать – София Доротея Ганноверская, дочь короля Англии Георга I.

Фридрих был третьим и самым старшим (два его старших брата умерли в младенчестве) сыном в этой многодетной королевской семье, где всего родилось 14 детей.

Глава I

О различных видах правления, и каким образом можно стать государем

Если кто-либо пожелает основательно рассуждать о некоторой вещи, то ему надлежит прежде всего исследовать ее свойство и, насколько это возможно, рассмотреть предшествующее ей; в этом случае ему нетрудно будет вывести отсюда и всевозможные следствия. Прежде, нежели Макиавелли сделал различие между державами по свойственному им образу правления, надлежало ему, по моему мнению, первоначально исследовать начало оно, и показать причины, побудившие вольный народ, принять себе государя.

А, поэтому, разве не следовало бы ему, как мне кажется, в книге, в которой он принялся проповедовать о злодеяниях и бесчеловечности, сделать напоминание о том, чем истребляется варварство? Макиавелли не говорит, в результате, о том, что народы для своего спокойствия и безопасности признали необходимым иметь судей для прекращения ссор, защитников для сохранения от неприятеля, пользования своим имуществом и жизнью, государей для соединения частного с общенародным благом; что они ради своего блаженства в самом еще начале стали избирать из своего числа самых мудрейших, справедливейших, не корыстолюбивых, дружелюбных и мужественных людей.

И каждый государь должен почитать такой суд важнейшим для себя предметом, и он должен стремиться вершить его ради благоденствия народа, которое государь обязан предпочитать всем прочим выгодам. Правитель не является неограниченным собственником народа, но выступает для своих подданных ни кем иным, как верховным судьей. Но поскольку я предпринял последовательное опровержение вредного учения Макиавелли, то считаю нужным высказывать свое мнение в той мере, в которой его определяет содержание каждой главы.

Природа происхождения государей делает поступок тех, которые незаконным путем присваивают чужие земли, еще более жестоким. Они попирают ногами первый закон смертных, который состоит в том, что соединение в людей в державу происходит ради того, чтобы защищаться от им подобных, и это тот самый закон, который осуждает бессовестных победителей. Они прямо вступают в противоречие с намерением, изъявленным народом. И, напротив, если народ находится под властью государя, который поработил его насильно, то в таком случае он не только самого себя, но и всю свою собственность жертвует ему, чтобы тем самым удовлетворить ненасытность и своенравие тирана.

Впрочем существует три законных средства с помощью которых можно стать государем: по наследству, по выбору того народа, который имеет право выбора, и, третье, если некто овладеет вражескими землями посредством справедливой войны. Все это полагаю я за основание, на которое буду ссылаться в последующих своих рассуждениях.

Глава II

О наследственных государствах

Люди, как правило, ко всему тому, что в себе заключает древность, испытывают особенное почтение, и если говорить о власти, которую древность имеет над смертными, то ни одно иго не бывает сильнее, и ни одно из них не сносится столь охотно, как это. Я далеко от того, чтобы противоречить Макиавелли в том, в чем каждый соглашается с ним: да, наследственными государствами управлять удобнее всего.

Однако я к этому только хочу добавить, что наследные государи в своем владении укреплены бывают тесным союзом, утвержденным между ними и сильнейшими фамилиями государства, и государи уделяют княжеским дворам своей страны в благодарность большую часть своего имущества и величия. Счастье этих фамилий столь нераздельно со счастьем государя, что они его никак не могут оставить последнего, не почувствовав при этом также, что следствием этого с необходимостью будет и их собственное падение.

В наши времена многочисленное и сильное войско, как во время мира, так и во время войны, в готовности содержимое государями, весьма способствует безопасности государства. Оно удерживает в пределах границ честолюбие соседних монархов.

Маккиавелли говорит о том, что государю недостаточно быть украшенным простыми дарованиями, а я желал бы, чтобы, кроме этого, властитель помышлял и о том, как ему народ свой сделать счастливым. Народ, пребывающий в довольстве, никак не может помыслить о возмущении; блаженствующие больше страшатся лишиться такого государя, которой является их благодетелем. Поэтому никак не восстали бы голландцы против испанцев, если бы тирания последних не возросла настолько, что голландцы в случае восстания были по крайней мере не более несчастны чем до того.

Королевства Неаполь и Сицилия неоднократно отходили от Испании под власть императора, а от императора снова к Испании. Во всякое время завоевание это было весьма легко осуществить потому, что обе власти казались весьма строгими, и потому народы этих государств при каждом завоевании питались надеждой найти в новом владыке своего защитника.

Какое различие между неаполитанцами и лотарингцами! Ибо когда последние с легкостью признали чужое господство, вся Лотарингия утопала в слезах. Они жалели о том, что лишались потомков тех герцогов, которые в течение многих столетий владели этим процветающим государством, тех, кого они причисляли к достойным любви государям. Память о герцоге Леопольде была для лотарингцев настолько любезна, что когда после его смерти вдовствующая супруга принуждена была оставить город Люневиль, весь народ пал на колени пред ее колесницей и несколько раз пытался остановить ее лошадей, и было тогда много соболезнования и пролития слез по этому поводу.

Глава III

О смешанных державах

Пятнадцатое столетие, в которое жил Макиавелли, являлось еще довольно бесчеловечным. Тогда печальная слава победителей и крайние предприятия, возбуждившие к себе известное почтение по той причине, что они совершались во множестве, были предпочтены кротости, справедливости, взаимной симпатии и всем добродетелям. Ныне же я вижу, что человечность предпочтительнее всех свойств победителя. Ныне не поступают уже более столь дерзновенно, чтобы возвышать похвалами бесчеловечные страсти, являющиеся причиной всего, что опустошает этот мир.

Я охотно бы желал знать, что побуждает человека возвышаться? И по какой причине он может намереваться основывать свою власть на злосчастии и гибели других людей? И как он мог думать завоевать славу в то время, когда он других делал несчастными? Новые приобретения государя не делают тех, кем он владел до этого, могущественнее; его подданные никакой от этого прибыли не имеют, и он заблуждается, воображая, что из-за этого он стал счастливее. Разве мало таких государей, которые с помощью своих полководцев овладели землями, которых они так никогда и не видели? Это и есть известный род воображаемых завоеваний, когда делают несчастными многих, чтобы тем удовлетворить своенравие одного только человека, чаще всего совсем не заслуживающего того.

Допустим, что этот победитель овладел всем миром; но сможет ли он завоеванным управлять? Ибо сколь бы государь ни был велик и славен, однако он остается весьма ограниченным существом. Едва ли он сможет вспомнить названия своих земель, — то, к чему, казалось бы побуждало его честолюбие, желавшее, чтобы о завоеваниях его было известно повсюду; однако даже для этого он оказывается мал.

Пространство земель, которыми обладает государь, не делает ему чести; несколько миль земли, прибавляемые им к своему владению, не делают его славным; ведь, напротив того, владеющие лишь десятой частью его земель бывают намного славнее.

Заблуждение Макиавелли при рассуждениях о славе победителя могло в свое время быть общепринятым в тогдашнем обществе, и, на самом деле, не являлось результатом его злобного характера. Впрочем, ничто не может быть так омерзительно, как некоторые средства, которые он предлагает для удержания завоеванных земель.

Если их исследовать подробно, то ни одно из них не является законным или справедливым. Необходимо, говорит, он, истребить весь род, владевший этими землями перед их завоеванием. Можно ли читать эти положения без содрогания сердца? Ведь это означает попирать ногами все, что есть святого в этом мире, и открывать дверь всяческим заблуждениям. Таким образом, если честолюбивый государь силой отторгнет земли от другого государя, то как можно предоставлять ему право тайно убить, или отравить ядом побежденного?

Победитель, если он поступает таким образом, вводит тем самым обычай, который будет способствовать его собственному падению. Другой, честолюбивее и способнее его, воздаст ему тем же и, напав на его земли, с таким же бесчеловечием с которым тот казнил его предков, велит лишиться его жизни. Макиавеллиево время предоставляет нам много примеров подобного рода. Не видим ли мы, что папа Александр VI находился в опасности низвержения с престола за его злодеяния, что гнусный его побочный сын Цезарь Борджиа, будучи лишен всех земель, скончался в ничтожестве, что Галеаццо Сфорца был умерщвлен в церкви, что Людовик Сфорца как узурпатор скончался во Франции в железной клетке, что Йоркские и Ланкастерские князья в конце концов истребили друг друга; что греческие императоры один другого тайно лишали жизни, пока в конце концов, турки воспользовавшись их злодеяниями и слабостью, вовсе их не уничтожили.

Если в наши времена между христианами такие возмущения случаются редко, то это происходит по большей части потому, что теперь положения здравого нрава известны каждому. Все современные люди просветили свой разум, и мы должны за это благодарить ученых людей, которые очистили Европу от этого зверства.

В другом месте Макиавелли утверждает следующее: необходимо, чтобы победитель во вновь завоеванных землях основал себе резиденцию. Хотя это и не имеет отношение к жестокости, а в иных случаях может оказаться и полезным, все же следует принять во внимание: многие земли великих государей расположены так, что государи не могут оставить свое местопребывание без того, чтобы остальные земли не оказались при этом под угрозой. Государи являются первоначалом движения в государственном теле, и им нельзя оставлять центра своих владений, дабы не пришли в упадок уже находящиеся под его властью территории.

Третье политическое правило состоит в том, что необходимо во вновь завоеванных землях учредить колонии, чтобы тем самым быть уверенным в их преданности. Автор «Князя» в данном случае основывается на обычае римлян, но он упускает из виду то, что если бы римляне вместе с колониями не отправили в новые земли и легионов, то бы они очень скоро лишились бы своих приобретений. Он не рассуждает о том, что помимо колоний и легионов римлянам необходимо было иметь также и союзников. Между тем римские колонии и легионы были в счастливые времена республики разумнейшими разбойниками, опустошающими в иные времена и всю вселенную. Они с помощью хитрости сохраняли, то что приобрели несправедливо. Наконец, этот народ имел ту же злую судьбу, что и остальные беззаконные победители.

Но рассудим ныне, могут ли колонии, о которых столь несправедливо судит Макиавелли, быть такими полезными, как он нас в этом уверяет? Положим, что государи отрядают поселенцев туда либо во многом, либо в малом числе. Таким образом, если число их будет велико, они изгонят большое число новых подданных, опустошат их земли, если же будут они в малом числе, то не смогут сохранить в своем владении приобретенные земли и государи, не имея от этого никакой прибыли, сделают поселенцев несчастными.

Поэтому было бы гораздо справедливее в завоеванные земли отправлять солдат, которые, будучи сплочены воинской дисциплиною и порядком, не станут притеснять ни своих сограждан, ни подданных вновь завоеванных городов.

Это политическое правило было бы гораздо лучше первого, однако оно во времена Макиавелли не могло быть известно, ведь в те времена государи еще не имели достаточного войска, находящегося в постоянной готовности. Зато во всех странах находились разбойники, которые, собираясь вместе, питались грабежом и насилием.

В те времена не имели представления о том, как содержать в мирное время боеспособную армию, не имели также и никакого понятия о провианте для солдат, об их казармах и о других учреждениях, благодаря которым государство в мирное время могло пребывать в безопасности и от соседних держав и от войск, состоящих на жаловании.

Государь должен присоединять к своей державе князей, обладающих малыми землями, и защищать их; он должен также возбуждать между ними несогласие, чтобы мочь, когда пожелает возвысить их, или унижить. Это – четвертое правило Макиавелли. Таким образом поступал Хлодвиг, и некоторые другие государи, которые не менее него были бесчеловечны. Но насколько же велико различие между этим тираном и подлинным государем, который мог бы стать для малых князей примирителем их ссор и несогласий и с помощью беспристрастного суда приобрести их почтение. Его разумность быстрее сделала бы подобного правителя отцом соседей, чем притеснение их земель. Тем более это верно, что его могущество должно служить им защитой, а не основанием для истребления. Далее, справедливо также и то, что государи, желающие других принцев возвысить насильно, сами бывали причиной своего падения, о чем свидетельствуют многие примеры нашего столетия.

Из этого я делаю заключение, что победитель, незаконно добившийся своего, никогда этим не приобретет себе славы, и что тайное убийство в любое время является позором для рода человеческого. Считаю также, что государи, причиняющие новым своим подданным несправедливости и обиды, вместо того, чтобы пленять их сердца, настраивают их против себя, и что нет никаких оснований оправдывать подобные злодеяния, ибо это можно было бы сделать лишь при помощи тех положений, которые выдвигал Макиавелли.

Глава IV

Каким образом сохранить престол

Желающий рассуждать об умонастроении народов, должен прежде всего сделать между ними сравнение. Макиавелли сравнивает в этой главе турок и французов, которые обычаями, нравами и умонастроением сильно отличаются друг от друга. Он исследует причины, делающие завоевание турецкого государства трудным, а удержание его простым. Кроме этого, он делает замечание, что Францию можно победить без особого труда, но что постоянное возмущение населения, которое последует за завоеванием, будет ежечасно угрожать спокойствию обладателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.